

Ашота, известной на армянском языке (по мнению Ж. Даррузеса, и эта переписка имела место около 862 г.), также наводит на раздумья. Если предположить, что эта переписка происходила до письма I, тогда мы вправе допустить, что это письмо является ответом на грамоту Ашота и что именно ее имел в виду патриарх, говоря о послании своего корреспондента, что оно длиннее «Илиады» и пространнее печальных трагедий (с. 147.21—23). Но текст этой грамоты уместается всего на 13 страницах обычного формата «Палестинского сборника». При самом пылком воображении объем ее не может вызвать ассоциации с 15 700 стихами гомеровской поэмы. Главное же, нам известен ответ на послание Ашота. Это сочинение Никиты Византийца, написанное от имени Фотия и содержащее множество цитат из грамоты Ашота. Своим враждебным тоном оно резко отличается от письма I.

Допустим, далее, что переписка с Ашотом Багратуни происходила после письма I. И в этом случае отождествление адресата этого письма с Ашотом весьма затруднительно. Фотий, как правило, не упускает случая сослаться на предшествующую переписку с тем или иным корреспондентом. В своем послании Ашоту он напоминает, что несколько раз писал католикосу, но ничего не говорит о какой-либо переписке с самим Ашотом. По всем признакам, это первая грамота константинопольского патриарха, направленная князю князей Армении.

Мне представляется, что адресат письма I не может быть отождествлен с Ашотом Багратуни и остается пока анонимной фигурой. Фотий замечает, что его знатный адресат возлюбил общее для всех христиан царство, т. е. Византийскую империю, с глубокой страстью и с намерением ей подчиниться (с. 153.12—14). По-видимому, это один из армянских князей, который почувствовал новые веяния и, не уступая в вероисповедных вопросах, принял византийскую ориентацию.

Письма Фотия, опубликованные Ж. Даррузесом, — важный и в то же время трудный для полного понимания источник. Настоящие заметки не претендуют на окончательное решение поставленных здесь вопросов. Но как бы их ни трактовать, образцовая публикация Ж. Даррузеса представляет безусловный интерес как для византиноведения, так и для арменистики.

К. Ю.

Б. Ферьянчић. Тесалија у XIII и XIV веку. Београд, 1974, XIV+305 с., карта

Один из важных пробелов византиноведческой научной литературы — отсутствие надежных исследований по локальной истории. Скудость источников по истории провинции заставляет византиноведа мыслить чересчур общими понятиями, распространяя подчас на всю территорию империи наблюдения, относящиеся к какому-то конкретному району. Только в последние годы стали появляться серьезные очерки географии, экономики и политико-административной истории отдельных областей империи ромеев¹. К числу таких монографий относится и труд югославского ученого Б. Ферьянчића о Фессалии XIII—XIV вв.

Фессалия играла весьма важную роль в политической жизни поздней Византии, особенно в XIV в., однако источники по ее истории, прежде всего по ее хозяйственной жизни, крайне скудны; так, Ферьянчић может привлечь лишь несколько грамот для характеристики положения фессалийских крестьян (с. 80—84) и довольно ограниченные материалы о венецианских интересах и владениях в Фессалии (с. 153—164). Можно ли ждать в дальнейшем расширения круга источников по этой теме? Еще Х. Г. Бек писал о неизданных проповедях ларисского епископа Антония: «Они представляются ценными для истории византийской провинции»². Возможно, что большего (во всяком случае для истории фессалийского

¹ Здесь в первую очередь следует назвать работы Э. Арвейлер о Смирне (ТМ, I, 1965, р. 1—204) и П. Лемерля о Восточной Македонии (*Lemerle P. Philippines et Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Paris, 1945*).

² *Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 774.*

города) можно ждать от археологии, которая до сих пор ограничивает себя преимущественно церковной архитектурой³, от нумизматики⁴ и сигиллографии⁵.

В центре внимания Ферьянчича — политическая история. Если история Фессалии в период существования Латинской империи, тесно переплетавшаяся тогда с судьбами эфемерного Эпирского государства, освещена в литературе довольно хорошо, то правление Иоанна I Ангела (1268—1289) монографически обрисовано впервые Ферьянчичем (с. 95—126). При этом следует обратить внимание на два момента: во-первых, Иоанн I носил византийский придворный титул севастократора и выступал как вассал Михаила VIII, но вместе с тем действовал как самостоятельный правитель, что соответствует нормам феодального политического правосознания: во-вторых, играя на ненависти православного клира к унионистским стремлениям Михаила VIII, Иоанн I тем не менее активно сотрудничал с жесточайшим врагом Византии Карлом Анжуйским.

Хотя правительству Андроника II все же удалось поставить Фессалию под контроль византийских властей, феодальные силы в этой провинции оставались весьма могущественными. Марино Санудо в меморандуме от 1325 г. упоминает фессалийских вассалов императора, державших от него castra и другие владения; в одном из них Ферьянчич (вслед за А. Соловьевым и Р. Лэнерцом) усматривает Стефана Гаврилопула, владевшего, по Кантакузину, Стагами, Трикалой, Фанарионом и другими крепостями (с. 168 и сл.). Как и Иоанн I Ангел, Стефан носил титул севастократора (с. 170). После смерти Стефана в 1332 г. Фессалия становится объектом борьбы между правителями Эпира, деспотом Иоанном II Орсини и Андроником III Палеологом, победа которого, однако, не означала ликвидации феодального обособления Фессалии: грамота Михаила Гаврилопула архонтам Фанариона от 1342 г. свидетельствует, что семья Гаврилопулов продолжала сохранять власть во всяком случае над значительной частью провинции. Ферьянчич (с. 183 и сл.) подчеркивает при этом «необычное развитие феодальных отношений», отраженное в этой грамоте. К 1342 г. относится и союз Кантакузина с фессалийским «рыцарством» (στρατιά) и знатью городов (с. 216), в результате которого в качестве главы (κεφαλή) «Влахии» (т. е. Фессалии) был поставлен кравчий Иоанн Ангел, выступавший не царским наместником, но скорее феодальным сеньором провинции (с. 221 и сл.).

В подчеркивании феодальной природы организма власти в Фессалии конца XIII—первой половины XIV в. состоит основная новизна и ценность концепции Ферьянчича.

Последний период независимой истории Фессалии связан с деятельностью императора Симеона Палеолога (1359—1370), сводного брата Стефана Душана, сумевшего объединить греческих и сербских феодалов и пользовавшегося поддержкой церкви. Однако эта независимость оказалась эфемерной: сперва в Фессалии была восстановлена власть Палеологов, а управление провинцией перешло в руки кесаря Алексея Ангела Филантропина (его преемником был Мануил Ангел Филантропин), затем в 1393 г. Фессалию завоевали турки-османы.

А. К.

³ Общий (и уже устаревший) обзор см.: Soteriu G. A. Βυζαντινὰ μνημεῖα τῆς Θεσσαλίας ἢ καὶ ἰδ' αὐτῶνος. — *ΕΕΒΣ*, 4, 1927. Есть несколько очерков истории отдельных фессалийских городов, например: Kalogianes B. Το φρούριο τῆς Λαρίσης. Larisa, 1971.

⁴ О «фессалийском» кладе, зарытом около 1255 г., и его значении для изучения монетного обращения на Балканах XIII в. см.: Metcalf D. M. Coinage in the Balkans. 820—1355. Thessaloniki, 1965, p. 126, 229, 232.

⁵ Изданные В. Лораном в «Корпусе» моливдовулы, относящиеся к митрополии Ларисы (№ 674—678, 1760—1761), датируются не позднее XII вв. Однако для рассматриваемого Ферьянчичем (с. 7 и сл.) вопроса о значении термина «Фессалия» существенно было бы привести печати, где солунский митрополит именуется продром или пастырем фессалийцев (№ 459, 461, 1728) либо же «шменархом Фессалитиды» (№ 462).